

С М И Е Ш И А

21—22

1944

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО "СМЕИ"

ДЕКАБРЬ

НАРОДНАЯ АКТРИСА

В этом отношении велико было на меня влияние Ольги Осиповны.

Моя мать, выросшая в таком же времени, была актрисой на родине «омаческих старух». Она создала галерею ярких образов народной жизни. Эти образы она делала, пользуясь преимущественно богатствами и разнообразием великой русской речи, которой владела в совершенстве. Она извлекала μέσα свободы и неслышной силой, сделать «большее слово основным выразительным средством» народного русского языка. Имя и имя Садовских, но не имя дама влюблена в искусство и неслучайно народная актриса, и неслучайно народная актриса, и неслучайно народная актриса.

Она была преданной народной актрисой. После Октябрьской революции, восторженно участвовала в народных спектаклях Малого театра и работала в красноармейских клубах. И в старости... Казалось, что эта трудная работа была как бы её отголоском. Чувствуя клубящую тоску, она говорила она, возвращаясь домой после такого выступления.

Всего два года играла она на сцене советского театра в декабре 1919 года Ольга Осиповна Садовская. И в этот день всегда живёт образ народной — и как моей матери — народной актрисы, чей талант целиком принадлежал народу.

Народный артист СССР
Пров Садоский

О. Ф. Садовская.

Нельзя было 25 лет со дня смерти моей матери, выдающейся русской актрисы Ольги Осиповны Садовской. Мой творческий путь — продолжение того пути славянского реализма, по которому живу мой дед, отец и мать. В атмосфере родного дома я воспитался в уважении к делу народа, что вполне расширяется в произведениях нашей классической литературы.

ВЕЛИКИЙ МАТЕМАТИК

Полвека назад, 8 декабря 1894 года, скончался в возрасте 73 лет великий русский математик и механик Падурый Львович Чебышев.

Учёная деятельность Чебышева, начатая в двадцатипятилетнем возрасте, не прерывалась до конца его жизни. Он оставил после себя около 70 научных трудов, ставших ему славу перестроенного математика. Все эти работы, составляющие два громадных тома по 700 с лишним страниц, были не только по достигнутому результату, но и по методу, применённому для их получения. Один из самых замечательных трудов Чебышева — брошюра «Диссертация на тему о гомоморфизме», эта работа почти его лет является единственным в русском языке руководством по теории чисел.

Патрием Московского университета, который он окончил в 1841 году, П. Л. Чебышев свою профессорско-педагогическую деятельность вёл в Петербургском университете. Здесь он создал целую школу талантливых учёных, среди которых бы такой выдающийся математик, как А. М. Ляпунов.

П. Л. Чебышев много сделал для науки. Нужно добавить к искусству и славе мысли этого великого русского учёного-математика.

П. Л. Чебышев.

Привет газете **«МАЛЕНЬКАЯ КОМОДО»**, отвлечённой **«Энциклопедия»** своего существования.

РЕДАКЦИЯ
ЖУРНАЛА «СМЕИ».

ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЕ ТЕАТРАЛЬНОГО МУЗЕЯ

Пятьдесят лет назад, в конце 1894 года, А. А. Бакузин впервые поставил русскую общественность с частью своей тогда еще скромной, коллекции документов по истории русского театра. На выставке в Московском маске он выложил авторское собрание афиш, фотографий и рукописных документов народного театра в Москве. Вскоре эти материалы театра, в А. А. Бакузин сделался владельцем, и в условиях театра, неслучайно для самого себя. Среди его собрания, людей больше, афиш, листовочки, в 80-90 году прошлого столетия была распространена, страсть и коллекционирование. Отдавая на эволюцию «народ», что он собирает. А. А. Бакузин по тому времени не представлявший ещё ни в каком виде коллекционирования, на всякий случай, как он потом вспоминал, афиш, что собирает это театр.

На другой же день в одном из магазинов он приобрёл печатные портреты спеваческих деятелей, а затем стал покупать предметы театральные стараны на всевозможных базарах на Суздальской площади. Первые цен-

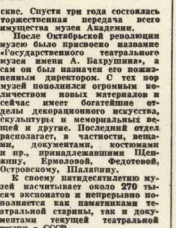
ные. Сюжеты три года состояли в том, чтобы собрать все искусство музея Академии.

После Октябрьской революции музей было переименовано «Общественного театрального музея имени А. Бакузина», а сам он был назначен его возглавляющим. В это время в музее появились огромные коллекции новых материалов и сейчас имеют богатейшие запасы декорационного искусства, скульптуры и мемориальных вещей и другие. Последний отдел располагает, в частности, Библию, документы, костюмы и др., принадлежавшие Шаляпину, Ермоловой, Федотовой, Отрочкову, Шаляпину.

К своему пятидесятилетнему юбилею музей посетил около 270 тысяч посетителей и непрерывно пополняется как памятниками центральной старины, так и документами текущей театральной жизни СССР.

Заслуженный артист республики Н. А. Попов

На снимке: «М. С. Шелляга в афише» — старинная статуэтка-шпиль скульптора Н. С. Шелляга (эскипнаты Театрального музея)

Заслуженный артист республики Н. А. Попов

«МАЛЕНЬКАЯ ВЕЩЬ»

По рассказам современников, художник К. П. Брюллов, выразивший после окончания Академии художеств в Италии, был восторжен своим рисунком коллегам холщом. Виднейший живописец Коммунизма безбаша, отваливая в мелком художнике.

— Этот маленький русский способ только на маленькое вещь.

Случайно лишь об этом Коммунизма, Брюллов назвал «маленькую вещь», значится и в ней, и в описании мелкого «сделал громадную вещь» — историю народной живописи. «Маленькая вещь».

Куда Коммунизма вышел взглянуть на «художник», который так и вписал в мастерскую Брюллова его и принял и проки вешать картину?

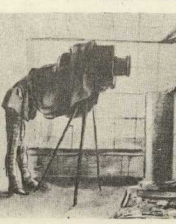
— Не стесняйтесь, вот такая маленькая вещь...

«Маленькая вещь», принесшая Брюллову славу величайшего художника эпохи и признание всех европейских живописцев, была написана им в конце пятидесяти годов жизни и шириной была семи метров.

Замечательный русский художник К. П. Брюллов, 145 лет со дня рождения которого отмечается 24 декабря, и современники видели рисунки, был блестящим портретистом. Он оставил прекрасные портреты, которые вывешены в лучших музеях страны. Видный украинский и художник Тарас Шевченко учился живописи у Брюллова.

Не снимке: К. П. Брюллов — автопортрет.

ПЕРВЫЙ РУССКИЙ ФОТОГРАФ

Талантливый жанровый живописец середины прошлого века П. М. Шчеголов оставил малоизвестную зарисовку — снимку с натуры: богатый представитель высшего сословия восточной России в афише. Рисунок интересен тем, что воспроизводит обстановку первого русского фотографического аппарата.

В мемуарах «Выше и далее» Герция упоминает имя своего двоюродного брата С. Д. Левинского, старшего русского фотографа-профессионала. Из своего сенатора, окончившего юридический факультет Московского университета, Левинский оставил для нас уцелевшие открытия Диттера и это лет назад — в 1844 году — начал карьеру профессионального фотографа. После нескольких лет совместного проживания он открыл в Петербурге Фотозале.

Вместе с известным фотографическим писателем А. Савиным Невским проведено не по крайней мере до двадцати лет в Петербурге, занимаясь фотографическим поручением... Должно быть, выгодное ремесло...

С. Д. Левинский был очень популярным как мастер пейзажа, так и портретистом. Он был выдающимся мастером. Он первый написал портретную или жанровую картину и занимался живописью. Он был в афише и использовал при фотографировании искусственный свет.

Талантливый жанровый живописец середины прошлого века П. М. Шчеголов оставил малоизвестную зарисовку — снимку с натуры: богатый представитель высшего сословия восточной России в афише.

Ноябрь ★ № 21—22 ★ 1944 год

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Д. Благой

ВЕЛИКИЙ БАСНОПИСЕЦ

Двадцать первого ноября исполнилось сто лет со дня смерти великого русского писателя и крупнейшего баснописца мира — Ивана Андреевича Крылова.

«Дедушка» Крылов прожил долгую жизнь: родился он тридцать лет раньше Пушкина и пережил его семью годами. Басни Крылова едва ли можно сравнительно поздно: в возрасте около сорока лет. До басни им было написано много самых разнообразных литературных произведений: театральные пьесы, стихи, сатирическая проза. Но вершиной венком всего творчества Крылова являются его басни.

В баснях Крылов замечательно использовал весь свой предшествующий творческий опыт — драматургия, сатирика, поэта. «Басни Крылова», — писал о них Великий, — не просто басни: это повесть, комедия, юмористический очерк, заяв сатира, слухом, что хотите, только не просто басня. Действительно, сатира и ирония, доведенные до высшей степени художественного совершенства, являются одним из отличительнейших свойств крыловской басни. В баснях Крылов едва выискивает общечеловеческие пороки и недостатки: скупость, зависть, хвастовство, лесть, лживость, влчность, гаупость, невежество, эгоизм. Во многих из них он дает острое сатирическое зарисовки бытия. Наконец, и ряд произведений от обличения пороков отдельных людей баснописец подымается до сатиры политической, социальной.

Как и Крылову-сатирику, Крылову-баснописцу присущ глубочайший демократизм. Самый басенный жанр привлекал его к себе именно своей общедоступностью, всеобщей доходчивостью. Когда один из знакомых писателей спросил его почему, почему он, обладав столь разнообразными литературными дарованиями, пишет только басни, Крылов ответил: «Этот род понятен каждому: его читают и слушают

Забавой он людей испразил,
Сметая с них пороки пыль;
Он баснями себе прославил,
И слава эта — наша быль.
И не забудут этой были,
Пока по-русски говорят:
Её давно мы затвердили,
Её и внуки затвердят.

П. А. ВЯЗЕМСКИЙ

и дети». В своих баснях Крылов неодинократно рисует угнетенное народом крепостничество и Богатства, всеми злыми хищниками, «которые богаты наль котлом наль зукком», — тиграми, медведями, алыми волками, коварными асицивами. В столкновении между «волками и овцами» — народом и его обличителями и угнетателями — все симпатия и сочувствия самого Крылова всегда и неизменно на стороне народа.

Пользуясь покровом басенной аллегории, басенного зоологического языка, Крылов в нескольких произведениях нападает на самого «царя зверей» — Ахна, т. е. на царское самодержавие («Мирская сходка», «Рыбы гласка», «Шестрые ошты» и др.). Странный защитник народных нужд и интересов, Крылов, однако, не только изоб-

ражает бесправие народа и притеснение его паразитом. Он выражает и свою глубокую веру в народ, убеждение, что именно народу принадлежит основная, ведущая роль в государстве. Этой теме посвящено много басен Крылова («Орб и пчела», «Булажный амеб», «Цветы», «Мука и пчела», «Собака и лошада», «Волонд и ручей» и др.). С особенной яркостью и силой разработана эта тема в знаменитой басне «Алсты и корин».

Купавшиеся в лучах солнца и нежком дышании вестера нарядные алсты считают, что именно они являются «краской доаным всея», что благодаря им «дерево так пышно и кудряво, раскинуто и величаво». «Что б было в нем без нас?» — самодоволено вопрошают они. Невидимые глазу, сокрытые глубоко под землей корни «смирено» — а по мнению алстов, «нагло и надменно» — напоминают о себе: «Примовить можно бы сплоско тут и нам», — возмущенно негодуящий «аслет» алстов: «Мы ко таккие там, что дерво так синеется с ивыи еталь!» — корин спокойно, но жестко отвечает из-под земли:

«Мы те...
Которые здеет росль в темное

Питес вас, Узель не узнаете.
Мы корин дерева, на коем вы цветеете.

Красуйтеся в добрый час!
Да только помидте ту ризницу нех нас:

Что с новою весной амеб топий — народитесь,
А если корень иссушитесь, —
Не станте дерева, ин вас.

Басня «Алсты и корин» написана Крыловым в 1811 году, непосредственно перед Отечественной войной 1812 года, которая явилась наглядным подтверждением великой роли именно «корней» — народа — в судьбах страны, в истории государства. В 1812 году Крылов вынесла пять басен: «Ризака», «Кот и повар», «Вороца и курца», «Обоз» и «Влак на повари». Все эти

басни полностью связаны с темами происходившей войны. Ни о чём другом пламенный патриот Крылов писать в это время не мог.

В баснях 1812 года особенно ошутимо проследится глубочайшая народность Крылова — воиме смысле, единстве бесположа с народом сознанием, с народным чувством, с народной совестью. Все эти басни представляют собой самое сильное и художественно яркое выражение импор народной мысли зрения на войну, народного к ней отношения.

Крылов призывает к единству всего народа, забывая перед лицом общей опасности мелких自私, частных интересов («Раздел»). В знаменитой басне «Кот и повар» он требует энергичных действий против-иностранного врага. В басне «Ворона и курица» потт казнимт жаакуу и предлагаеу расчётаивать тех, кто не разделял общенародного патристического порыва, пытаеу ужимать с неприятелем и, как «ворона», оставшаяся в покинутаю всеми дёртотами Москве, «попалась в суи».

Остальные две басни 1812 года — «Обоз» и «Вок на поезде» — непосредственно связаны с личностью и ролью великого полководца Кутузова. Царь Александр I, как известно, не жаловал Кутузова. Назначил си его главнокомандующим весьма неохотно, уступая единогласному желанию всей страны. Кутузов, облаченный авторью и доверием народа и армии, твёрдо и настойчиво осуществляла свои стратегический план завоевания неприятеля в глубь страны и его последующего уничтожения. Однако действовать ему приходится под ропот и куау недоброжелателей. Приходится преодолевать и неоднократно со стороны самого царя. Крылов в своих баснях стаа показывая на сторону Кутузова. Уже в басне «Ворона и курица» он воздаёт высокую похвалу замечательному воинскому искусству великого полководца. Басня начинается словами:

«Когда смелый князь,
Противу дерзости искусством вооружась,
Вывадам новым сечь поставил,
И на побегам во Москву оставил...»

Но и после того как Москва была выжжена оставить уже сами французы, Кутузов проложил действовать с муарой предостережительностью, не распуская зря вызвало новые резкие обвинения по его адресу со стороны царя. В это время Крылов и выступил со своей басней «Обоз». Опытаему «доброму коню», который медленно и осторожно свозил воз под гору, почти несая его на крестце, противопоставляется в басне ретивая и безразудная «лошадка молодой». Она пугается горы, мечая и вместе с разбитым возом очутилась в канаве. Замечала муарую стратегию Кутузова, Крылов в своей басне обращается оппозиторно с суровым предостережением с тем докучливым «сочетаным конём», которые требовала опротметно, на разбирая путей, бросится на ещё сильнее неприятеля, без нужды подвергая опасности армию и страну. Как все басни ползающим патристическим подливом Крылова, решительно возмывающим своей гоею народного инстинкта в поддержку народного полководца.

Наконец, одна из самых прославивших басен этого времени «Вок на поезде» написана Крыловым в связи с попытками почитывшего неизбежную гибель Наполеона заключить, по возможности, «сочетаным инд». Вторгнувшись в Россию во главе огромной армии, для которой были набраны сныа со всей Европы, «воле» Наполеон — рассчитывала на быстроту и лёгкую победу. Но си индик не оказал никакого отпавиения «попавшей на поезде, что война примет всемирный характер, что на защиту родины поднимутся все от мала до велика «индей с дубами, индей с дубами. Видя, что си со всех сторон окружен «сараями и «собакими», хиндик, «прижавшись в угол

задом, зубами шкелая и «индей шпелет», пускается в постоуго, заводит слысно мировоблюбивые речи, выказывая готовность «сделать «общий шаг» с «волейей клятвой». Но «волейей клятвой» не способна облапугать мудрого старого Аонего, который сразу скакует на воака стаю гончик. Он говорит хиндикую: «Общая мой с «волакми индик не делать мировой, как снйивши шкуру с ник. долой». В этих словах Крылов стаа замаскированную формулу народного гнева и народной справедливости, сохраняющую весь свой силу и в наши дни.

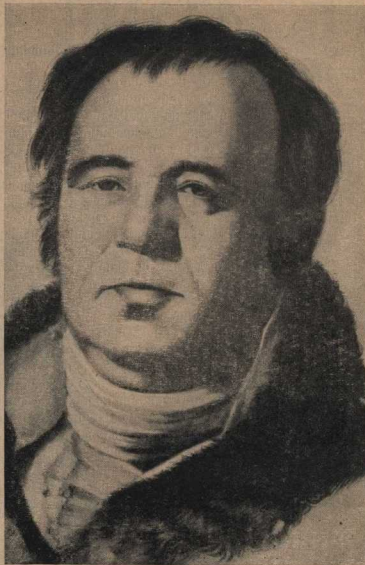
Сейчас же после появления басня «Вок на поезде» облагелась всю страну. Кутузов сам пробыл её против войском, причём, дойдя до саов аонего волаку: «Ты, сер, а и приятель «сер», — снла фуражку и показала рукой на свои седины. Такой же популярностью пользовались и остальные басни Крылова. «В армии его басни все читают наизусть», — свидетельствуюа потт Вяткичов сам пошедший на войну в качестве доброволя и находившийся в действующей армии.

Пушкин указывала, что в баснях Крылова отразилась особая, отгачиваемо русское чисеаое лукавство ума». Меткой издёвкой, острой иронией, которая «облаю куается», исполнены и басни Крылова о двенадцатом году. Но вместе с тем в них звучит твёрдо и энергично выраженное «инение народное» — народное понятие о долге перед родиной, о правое возмездия хиндикую.

Вообще народу с беспощадным сарказмом, с резкой сатиричностью в баснях Крылова ярки выражены и поаомкителные народные воззрения, народные идеалы.

«Его притчи, — писала о баснях Крылова Гоголь, — достояние народное и составляют книгу мудрости самого народа...». В книге его много сечт, уроки, всем степивым и индик. В своих баснях Крылов учит любия к родине, верности, щедрости, доброте, отращению ко всякой лжи и извостити, высокому уважению к труду, к авторитету, с умной и уакой деятельностью на пользу народа; учит скромности, человеческому достоинству.

Отличительной чертой крыловских «курво» является замечательная простота, ясная реалистичность. Несмотря на то, как «краснобаями»-«философам», замечивающим уаебность только из книг, занимающимся сугубо теоретическими выкладками и отгачивающим мудростями, Крылов учит других, но си он прилежно учится у великого учителя — природы — действительности. Именно это и сообщает его урокам стаю неотримуемую убедительность. Крылов народно по всему своему интуитивному скаду, басни Крылова наряду и по своей форме-языку, славою. Великий баснописец первым в нашей ли-

Иван Андреевич Крылов (со старинной литографии).

тературе до Пушкина была литературный язык с живой народной речью, насытил свои басни народными оборотами, словечками, «крыловыми» выражениями, пословицами, поговорками. В свою очередь, искусство выражений из крыловских басен стаа поаомкителным.

«Вошла в пословицу, в поучительный прироческое употребление и в нашей литературе, и в повседневной речи, и а выступившие наших вождей — Ашина и Сталина — многие персонажи крыловских басен. Товарищи Сталин в своём выступлении в связи с 24-й годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции сравнил гитарсворца, пытающихся прикрыть свою разоблаченную сущность фалом «национализма» и «социализма», со знаменитой крыловской «воронкой»: «Ворона, радующаяся в западных перьях... Но как бы вороны ни ридились в западные перья, они не перестанут быть воронами».

В сообщении Совинформбюро об итогах трёх лет войны гитарсворства Германия, змывалавшая покорить весь мир, прирочесывается к не менее знаменитой крыловской «ягушке», которая «зателая в дорлесте с волам сравнилась, начала пыхаться и индукваться, но с «златуи лопуха и окола».

Так образно, метко, острое художественное слово великого современника Отечественной войны 1812 года продолжает служить и нам, советским людям, вслаудит индую Отечественную войну против гитарсворских злодеев во имя освобождения всего человечества от фашистской коритичевой чумы.

Молодой Крылов

В битву жизни Крылова вступил чрезвычайно рано. Десятилетним мальчишкой он уже сидел за канцелярским столом закладного суда. Он рано испытал гнет колоссальных и беспрерывной тоску от перипетий яжебных документов. И вот в четырнадцать лет Крылов из писца превращается в писателя: он пишет и задумывает сатирическую комедию в манерной форме комической оперы. Он пишет «Коефицину».

Этому предшествовало крупное событие в биографии Крылова. Из Таверн он попадает в Петербург. В столице он начинает посещать театр. Можно предвидеть себе, какое впечатление производит на маленького провинциала петербургские спектакли конца XVIII века! От заманчивых прощений и жалоб есть «провинциальный секретарь» (таков был его чин) впервые вступает в настоящий мир искусства. Петербургский репертуар уже прошел через блестящую комедию масок, фарсический балет, большую оперу, классическую трагедию, бытовую и обязательную комедию нравов. Он уже умел зрителя осмысленностью народных спектаклей и вызвал в нём искренний смех и первое раздумье о смысле окружающего уклада жизни. Русский театр Финляндия, Кавказ и Сумарокова уже выполняли большие воспитательные функции. Он вникал зрителем в первые вопросы по моральным, общественным и эстетическим вопросам. Для молодого провинца Крылова он явился настоящей школой. Он дал ему первую путёвку в жизнь.

Молодой Крылов проявляет чуткую впечатлительность к всем актуальной общественной теме. Жизнь старинных бор разлагалась от суеверий, предрассудков, заматерелых обычаев, свинячих еще прочнее гнездо в быту зажиточных слоев. Знахаря, гадалки, предсказатели и чудотворцы различных типов пользовались в этой среде огромным влиянием и нередко являлись вершителями человеческих судеб. Вспомним, что через столетие великий лирико-национальный драматург Островский написал на эту тему одну из своих лучших комедий — «на великого мудреца доловимо просто».

К этой важной теме обратился в 1782 году Крылов. В центр своей комической опе-

ры он поставил современного типа гадальщицы на кофейной гуще. На такую фигуру екатеринского общества указывала ему замечательный журналист XVIII века Новиков. В своём «Живописце» Новиков с подлинным нубидистическим негодованием описал такую «пожухую тварь», которая кормится постыдным ремеслом лживых обманов, ведущих к гибели невинных людей. Кто украл серебряную ложку у дворянки Скупиной? Приглашённая «кофегадальщица» указывает на первого попавшегося ей на глаза дворового человека. На в чём невинного парня секут без пощады и доводят до каторги.

Юный Крылов сразу почувствовал высочайший драматизм этой бытовой истории. Он написал «Коефицину». Словоз, установленный комисс. жанра он вскрыл подлинную трагедию крепостничества. Он показал бесправные кресты, его оброк, угрозу расчлени. Это не только драматургически благородная ситуация: это быт и нравы эпохи. Не удивительно, что «Коефицина» на сцену не прошла, хотя вполне отвечала литературным требованиям жанра.

Во многом она даже превосходила их. Написанная ещё детским почерком, эта пьеса, однако, убеждала в несомненной амуртатурной даровитости драматурга-дебютанта. В ней была отчётливость на актуальную тему, интерес к острым проблемам современности, забота о торжестве социальной справедливости, меткая характеристика лиц в живой форме народных поговорок. Мяткий юмор Крылова уже здесь объявлял жестокие нравы эпохи. Первый его шаг указывал будущую литературную дорогу подростка-автора, которая со временем приведёт его к национальной славе.

Неудача с «Коефициной» не обескуражила юнца. Он продолжает верить в своё призвание драматурга. Он входит в круг актёров, театральных администраторов, литераторов, нишуших для сцены или в спектаклях. Знаменитые актёрские имена эпохи — Дмитриевское, Сивухиных, Павильщиков, Рыкалова — вступают в его биографию. Он стремится проявить своё творчество в больших театральных жанрах и решает работать для своих друзей-трагиков. Крылов пишет «Клевету», не-

ротно, имея в виду придворные театры и интимную жизнь Екатерины, пишет «Фриломену», трагедию из античной жизни, в которой французский тиран угрожает восстание возмущённого народа.

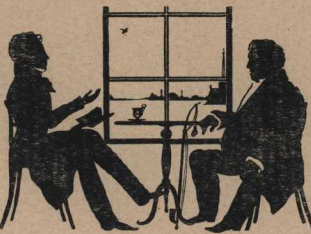
Но трагедийные опыты Крылова не имеют успеха. Непризнанным трагиком он возвращается к более лёгкому жанру и за два года пишет четыре комедии. В «Беспечной семье» он зашикает семейное начало от модной развращённости нравов, в «Сочинителе в приходе» он оставляет высочайшее звание литератора. «Ирокозантизм» осмеивает бездарных литераторов, в комической опере «Американцы» изображает борьбу обитателей Нового Света с испанцами. Все эти пьесы выносятся на сцену одно за другим, но не находят своего жанра. Удивительно оказываются его позднейшие пьесы: острая сатира на воинствующее пруссачество «Груфф», пародия на похоловший французский «Мед в слоуха» и «Урок дочкам». Впрочем, две последние комедии написаны в 1806 году зрелым Крыловым, накануне его большой авторской деятельности. О комедии «Саторе» они не дают нам представления.

Драматургия Крылова осталась в тени. За время его жизни появились «Недоросль», «Горе от ума», «Ворон Голюнов», «Ревизор», «Машенька». Пьесы Крылова не вошли в этот список драматургических шедевров. Но они имели своё значение: они помогли ему по-новому разработать один забытый поэтический жанр, который снова приобрёл под его пером мировое значение.

Тому же послужила и журналирная деятельность Крылова. Молодой автор пришёл в русскую журналистику, почти такую же молодую, как и он, и она ещё не стала всего лишь «жизнебуд» 30 лет. За это время в неё уже успели выступить даровитые и видные русские литераторы — Сумароков, Керасов, Богданович, Новиков. Но с Крыловым вступила в историю, в котором суждено было стать великим национальным поэтом. И это ярко отразилось и на его статьях и на общем росте отечественной журналистики.

Как прирожденный сатирик-публицист, Крылов с детства русской журналистикой ряд ценнейших жизненных свойств. Под его пером наша публицистика приобретает Советской том, а журналистика сатира становится воинствующей. Вечный интерес к интересе обывателя к социально-политическим темам. С чутким подлинным художником, прекрасно понимающим что слово писателя должно быть остроконечным блеском. Крылов в своих статьях проявляет высочайшее качество наблюдателя жизни, меткого портретиста современного общества и подлинного мастера быстрой и выразительной сатиры. Он не только овладевает живым и энергичным языком, сохранившим до наших дней свою свежесть и остроту. В строчках, мажневых выписках XVIII века, в этих отточенных проворках он даёт тон и стиль, своеобразный стремительный и бойкий печати новейшего времени.

Широко и смело лепил Крылов журналирные являры, чередо бросая их в будущее русской печати. Он прежде всего обрывает удобную форму писем, якобы адресованных арбекому магу подчинённым ему людям. В этих финтифешеских и волшебных формах Крылов знаменал будущий основной жанр газетной прозы — корреспонденцию. Волшебные участники «Почты духов» прекрасно понимали, что ценность их репортажа повышается от его авторской подачи, и стремились к эстетически разнообразить заметки и оживлять статьи. Они охотно вводят в них форму диалога, воспроизводят свои беседы с современными петербуржцами. Вступая в живую связь с другими интервьюерами большой прессы. Они рисуют отдельные сценки, обстановку, быт и нравы, сообщая своим эпистолярным известиям истинный характер газетного эскиза или очерка, подлинного такого

А. С. Пушкин и И. А. Крылов.
Силуэт работы Н. Ильина.

МАРЫШКА И ОЧКИ

...Очков с подожжены себе
она достала;
Нет, к темн не взглянет, то их
на лист вынесла;
То их выхватит, то их выки-
нет;
Очки не действуют никак...

ТРИШКИН КАПТАН

Таких же образцов, выдал и, выдал,
Иногда, иногда,
Иные господа,
Запутавши дела, их испра-
вляют;
Посмотреть, в Тришкином
каптане негодуют.

ЛЯГУШКА И ВОЛ

...И кочкаля моя забавиша
на том,
Что, не сравниваясь с Богом,
О жагути дошудла и — ока-
ля...

ВОЛК НА ПСАРНЕ

...С волками иначе не делать
нировой,
Как свиному шкуру с нит
делой...

распространение в позднейшей ежене-
льной печати. Все эти приходящие знитные
бар, французские модные дамы, купе-
ские гостини, публичные гуляния, театраль-
ные замес с их характерными типаж-
ми — что это, как не художественное изоб-
ражение современности той эпохи, за-
бодного интереса? Будущий мастер худо-
жественного реализма во весь рост вста-
ет в этих богатых опытах очерка. А несом-
ные народни «Зрителя» на киньмо томде
литературно-общественной жизни, как «Речь»,
повести в собраниях дураков», «Мысли фи-
лософа по моде», «Похвальная речь в
шляпе, мочку дедушки», что это, как не
первое у нас фельетоны с их основными
признаками живости, остроумия, живиз-
ности, вседой словесной игры и верного
общественного прицела? Когда Кры-
лов давал отставание и остроумно
знитных особ, в которых современники
легко узнавали виднейших вельмож и
фаворитов — Безбородко, Соимонов и других
предводителей, — он создавал истинный по-
литический памфлет. Наконец, в заметках
о современной литературе и драматургии
Крылов даёт первые опыты библиографи-
ческого отзыва и театральной рецензии.
Это подлинный зародок критического
фельетона, предвестие будущих газетных
оценок спектаклей и книг.

В лёгкой форме журналиальной беседы он
касается важных вопросов и серьёзных
проблем общественной жизни. В нивлах
жарих и тесных пределах фельетона он
разрабатывает важные темы, которые
вошли в великую русскую литературу
следующего столетия. Пусть у Крылова это
только предвестия, только наброски, но
важно, что он ставит вопросы и требует
внимания к темам, которые через полвека
делаются центральными в ряду бесчислен-
ных созадний его преемников. В одних
из писем «Почты духов» он рекексизм о
трагедии выдающегося художника, лед-
данным покровительством мелочников до
жизни и гибели. Это — только отрывок
письма фантастического духа, придуман-
ного молодым Крыловым, но это в то же
время первая постановка темы о трагиче-
ских судьбах русской революционной интел-
лигенции, об арестах и художниках кре-
постной эпохи, которая позже властно и
мощно зазвучит в «Горе от ума» Грибоедова,
в «Истории Новошаров» Достоевского,
в «Соревновании Гуркина» в «Трудном
художнике» Лескова. Чтобы так поставить,
её, нужно было обладать не только метким
пером журналиста, но и чутким сердцем

большого писателя. Мы знаем, что Крылов
обладал им.

В социальной критике современности
Крылов выходит очень далеко. Он с
исключительной смелостью судит самодер-
жавный политический строй: «Азы и тигры»
— менее причудлив предра людям, не-
жели некоторые государи и их министры».
На этой же почве «Клячи», которую совре-
менные исследователи признают одним
из самых замечательных произведений
XVIII века, Крылов бичует самодельный
строй и резко противопоставляет двою-
родное отаство Екатерина II и бесправия и
нищете народа.

Он направляет свой сарказм против
весьмих аристократов, людей, разоряющих
народ. К большой теме зародного разоре-
ния Крылов подходит как истинный на-
блюдатель правод испульней в вопросах
политической экономики. Он с беспощад-
ной прямолинейностью ставит острые
вопросы во что обходится ханобашный парад
царей или вельмож? Сколько труда на-
чёрта входит в стоимость модного кафтан? Почему
часто связи пахари стаяются в
крепостном строе разменной монетой и, по
его выражению, «превращаются в автожи-
в и кружева»?

Поверхностное участие высшего обще-
ства в народной цивилизации и разоритель-
ными иноземными модами обраняет Кры-
лова к его излюбленной теме о ценности
самобытного русского характера, о народ-
ной оиврённости, о нелогичности пре-
судствования его знаменитые басни. В жур-
нале «Зритель» Крылов пишет знаменитую
программную статью Павлаицикова о твор-
ческой силе русского народа, о таких ге-
ниальных самоучках, как поэт Амосов и
механик Кулабын. Он помещает в своём
последнем журнале «Русские анекдоты»
о храбрости, мужестве, великодушии со-
отечественников. Французское воспитание
и французские нравы противопоставляет
в журналах Крылова ценным достижениям
родной жизни и мысли. Следуя и здесь
заметьтеяшая в русской комедии и жур-
налистские традиции, Крылов поднимает
её на такую высоту обобщения, что замеча-
ния его персонажей, затерявшиеся на
столбах старинной прессы XVIII века,
возвещают нам страстные монолорги Чап-

кого о «французике из Бордо» и «добром,
умном нашем народе».

Вольные темы Крылова-публициста могли
плодотворно служить русскому обществу.
Но Крылов стал редактором в первый
год Французской революции 1789 года и
закончил свою журналиальную деятельность
в момент высшего развития революцион-
ных событий во Франции — в 1793 году.
Это был период, когда официальные Пе-
тербург менее всего поощряли волюду-
чную парологию и обязательную сатиру. В
оставшие общего разгрома столетия
нещета прекратились, и журналы Крылова.
Так журнальным и театральным значени-
ям молодого автора одинаково противо-
действовала эпоха его вступления в жизнь.
Но талант отстоял себя. Крылов — драматург
и журналист — возродился в новом жанре
он становится башописцем.

В этой форме, обещавшей ему всена-
родный почёт и всемирную славу, часто
замыслил молодой Крылов. В баснях он
оставил драматургом и журналистом. Бе-
линский считал, что каждая басня Крылова
— маленькая комедия. И действительно,
по тонкости диалога, по меткости реплик,
бесспорному творчеству оставался верен
драматизм действия басни Крылова прибли-
жается к сценическим произведениям. С
давних пор они являются первым испытани-
ем для веселья, вступающего на русский
сцену. Рядом с Крыловым-поэтом в них
живёт Крылов-драматург.

Одновременно в них слышен и другой
творческий отзвук работы юного Крылова:
они пронырают современности и откли-
каются на крупнейшие события эпохи. Не-
редко что басни как бы перекачаются в
стихотворный фельетон. Найдя свой жанр
и стиль, достигнув признания и славы,
Крылов-стихотворец многими сторонами
бесспорного творчества оставался верен
первой литературной школе. Знаменитый
башописец не во всём отошёл от бойкого
хроникёра «Почты духов».

Начинавший Крылов создал, как мы
видели, жанры, дожившие до нашего време-
ни, и поставил тему, широко разработан-
ные русской литературой следующих по-
колений. Вот почему, чувствуя великого
начинающего поэта Ивана Андреевича
Крылова, мы должны помнить и великого
младого автора XVIII века,
проившегого столько таланта и незаметно
прожившегого тут будущему всемирно
знаменитому башописцу.

ИЗ ЖИЗНИ КРЫЛОВА

Сохранилось много анекдотов, связанных с жизнью Ивана Андреевича Крылова. Они рисуют великого баснописца как человека, обладающего немалыми остроумием, ясной и смелой мыслью, любившего дружески пошутить, но умевшего и зло высмеять фаворитов, хвастунов, наведя ластцов. Ниже мы приводим несколько таких анекдотов.

★

Раз в неделю, по субботам, Крылов, Пушкин, Глинка, Батюшков, Вяземский собирались у Жуковского. В салоне Жуковского, талант которого Крылов ценил и к которому испытывал дружеские чувства, великий баснописец чувствовал себя особенно хорошо, много шутил, любезничал с хозяйном. На одном из этих литературных вечеров Крылов стал искать чего-то в бумагах на письменном столе.

— Чего вам надобно, Иван Андреевич? — спросил его.

— Да вот какое обстоятельство, — ответил он. — Хочется закурить трубку; у себя дома я рю для этого первый попадающийся мне под руку лист, а здесь нельзя так: ведь здесь за каждый лоску-

ток испанской бумаги, если разорвать его, отвечаю перед потопом.

★

Крылов, являвшийся членом Российской академии, был недоволен деятельностью её правления. Он считал, что денежные средства, которыми обладала Академия, должны употребиться на издание полезных и дешёвых книг, на помощь молодым талантам и т. д., а это не делалось.

— Куда коните вы деньги свои? — говорил он членам правления. — Разве на приданое Академии, чтобы выдать её замуж за Московский университет?..

★

В годы, когда Крылов работал в Публичной библиотеке в качестве библиотекера, его квартира находилась в одном с ней здании. Как-то летом Крылов встретил на Невском проспекте Николая I — в этот год царь жил в Аничковом дворце, рядом с библиотекой.

— А, Иван Андреевич! Каково поживаете? Давно не виделись мы с тобою, — обратился к просланенному поэту Николай I.

— Давненько, ваше величество. А ведь, какжись, сосед!.. — ответил Крылов с предельной живостью, скрашившей двойной смысл ответа.

★

Владелец дома, в котором Крылов снял квартиру, составил контракт и привёс ему для подписи. В контракте, между прочим, было указано, что если из-за неосторожного обращения Крылова с огнём дом сгорит, то он обязан возместить стоимость здания — 60 000 рублей ассигнациями.

Крылов подписал контракт и к цифре 60 000 прибавил ещё два нуля. Получилось 6 000 000 рублей. «Возьмите», — сказала знаменитый баснописец, возвращая контракт хозяину, — я на все пункты согласен. Но для того, чтобы вы были совершенно обеспечены, я вместо 60 000 рублей поставил 6 000 000 рублей ассигнациями. Для вас это хорошо, а мне всё равно: ни той, ни другой суммы я заплатить не в состоянии...»

★

Однажды Крылов, гуляя в парке, встретил несколько моло-

дых повес. Один из них, громко смеясь, сказал приятелям:

— Смотрите, какая идёт на нас туча!

— Видно, поэтому и лагушки расквасивались!.. — ответил Крылов прохожим мимо.

★

Перед смертью Крылова, когда врачи признали его положение безнадежным, с ним всё время находились один из близких друзей. В разговоре он спросил Ивана Андреевича, не минтелен ли он.

— А вот послушайте, как я минтелен, — ответил Крылов. — Лет сорок тому назад я сильно заболел. Доктор сказал, что мне угрожает паралич и что единственное средство к спасению — строгая диета. И в самом деле начал держать диету, отказываясь от всего лакомого — и так прошло три недели.

— Ну, а потом?

— Потом начал опять всё есть — и вот уже сорок лет ничего со мной не случалось.

Это был последний рассказ Крылова. Спустя несколько часов он умер.

В Москве состоялся всеобщий показ художественной самостоятельности учащихся реальных училищ и школ ФЗО. На снимке: выступление танцоров-актрис.

Фото Я. Халина.

В ГЕРМАНИИ

Из записки книжки военного корреспондента

Рассвет 16 октября 1944 года. Утро холодное, заморозки. Ясная зима предвещает светлый, солнечный день. Мало-помалу светлеет октябрьское небо, и особенно медленно ползут стрелки часов, приближая момент, которого с великой верой и трепетом ждал наш народ более трех лет.

Ровно девять тридцать утра. На огромном пространстве небо окрасилось в багровый цвет, как будто вспыхнула в одно мгновение мириады котров. Казалось, сам воздух стал горячим от огненных вихрей, устремившихся на запад, через границу.

Принимай, Германия! Началось... По сигналам гвардейских минометов огонь открылся одновременно все артиллерийские батареи, находившиеся на советско-германской границе на протяжении многих десятков километров. Пять минут продолжался этот салют, возвестивший начало вторжения в логово зверя. Затем артиллеристы перешли на методический уничтожающий огонь.

Как помнит извещеную им на войне самую сильную артиллерию, пусть мысленно увеличит её масштабы в пять-десять раз, и тогда он представит примерно силу нашего огня при вторжении в Восточную Пруссию.

Через два часа оружия смолкает. Но гул пружин, Тенор все смотрит на небо. Закарабкал штурмовик и бомбардировщик захватил над немецкими позициями. Затем поднимаемся в атаку вперед...

В небольшой, тесной землянке ожидали первых результатов атаки. Время тянется страшно медленно. Стёкла в окнах землянки тономно позвывают от стрельбы и близких разрывов. Наконец звонок из штаба батальона: перешли границу...

Через несколько минут мне показывают первое донесение с немецкой землей:

«Гвардеец Хабов был σκοплено рыней в нескольких шагах от пограничной линии. Собрав остаток сил, боец допозд до нашего пограничного столба, обнял его, поцеловал, потом перелез пограничную межу и вошёл в немецкую землю. Выбросив с поля боя в бессознательном состоянии».

Добавить к этим строкам ничего. В этот вечер русский народ, штурмующий Германию.

Днём на пограничной дороге встречаю двух автоматчиков:
— Откуда путь держите?
— Из немецкого города!

Как приятно слышать эти слова! На первых порах в них даже трудно поверить, настолько они необычно звучат. Современное небо привыкло произносить грозные названия немецких городов и фольварков, привыкает к тому, что он с верой и нетерпением ждал больше трёх лет... К боям на немецкой земле. Но не забудется непередаваемое ощущение первых часов пребывания в Пруссии.

За пограничным рубём, на окраине полуразрушенного немецкого городка Эйдингхайм, огромное полегающее, только что поставленные нашими дорожниками: «Германия, Чарльз Фом полотноща славяется с огромными руинами, и кажется, что белые буквы написаны на стене немецкого города.

С пограничного столба обит жестяной имперской ораб со свастикой. Он вляется в дорожной пыли — изуродованный, жидкий, побожённый. Танки оставили на жестяном чучеле дербиство следы гусениц.

На берегу первой обсебка города, вступившей в Пруссию, небольшой транспортёр, написанный наспех: «Здесь 18 октября, в 10 часов 30 минут, гвардейцы подразделение офицера Куршова первыми перешли границу».

Рядом — свежееукрашенный советский пограничный столб. Первая вахта на государственной границе. Её несёт комсомолец Ефим Коткин из колхоза имени Чапаева, Борского района, Кубышевской области, и красноармеец Николай Михайлович Лопатын, работавший до войны на молококомбинате имени Горького в Москве.

И вот первый немецкий дом. Он расположен на лавке, перескакающей пограничный рубец. Знание неуклюжей прусской постройки, с узкими окнами, недавно выкрашено, но не ставшее от этого привлекательней. Огромная надпись на стене извещает, что нижешие чины могут получить здесь закуску и выпивку и приятно провести время. Солдатский хлеб с запявными полями и порнографическими картинками на стенах!

Так началось Германия.

Хочу рассказать о небольшом, типичном немецком местечке, которое видела через несколько часов после его взятия. Это селение разрококалиберных домов, главная улица с мостовыми лавочками и фонарями, где на тротуарах ползают огромные тараканы — «пруссакья», — немаленькая безымянная колонна на перекрестке — путевый, являясь, сохранившаяся снёб до лучших времён. Перед гоним по улице казны последних номеров «фальшвер бобхотер», старые счёта колёсных и пивных, всякую разновидную дрянь, до которой являл немцы. На заворках тишь навод, тёмные закуски прохлах кишкетной, старым пивом. Здесь немец жид, здесь немец пахнет. Этот специфически немецкий запах я замечаю и раньше — в бандажах, каварках и довершениях хатах, где жила немцы. Здесь он настолько пахнет, что немольно, перейдя обратно границу, замечая чистоту нашего воздуха, пахнущего хвоей.

Лавочки со свежей вилаской; «Тогового дом Ганса Штеммеля». Штеммеле бросил всё, вплоть до последней выпруки «тогового дома» — воссозидать марок, лежащих в кармане ящичко.

Непонятно, чем торговала лавочка: пусть пыльные ботинки и тёмные сапожки, напиханные из бельгийской стевы и датские тетрадки, старинные голландские гравюры с неизменными ветряными мельницами на германских и французских шляпах, польские духи и кофе, позёрные записки и обыкновенный русский самовар, даже, как обычно, немного помпийт, порошок против блох и сахарин, колёсная мячь и французские галюльские «казампьяры «Майн кампф»... Какой-то диний хаос хлама с акуратными ярмарочным цен.

Откуда всё это — хотя бы помпийт русский самовар и потёртые перламутровые записки?!

Вродни, по метечку — и веде свинья кожа, покрытая золотом? эрлань, эрлань, эрлань. Кожаные урлоады плаваты, «торговые дома» в хазирке с одним онею, журналы с немелыми рассказками о любви некоей польской красавицы к безумному немецкому солдату, эрланьшней шпирни кроваки бургеров, кашнище клоапы, бутылки газированной воды с привкусом тухлого яича...

Дома основаны в таком виде, какими они были, настолько стремительный удар напалась советские войска на этом участке. До последнего часа чинавдний и самоуверенный пруссак не верил, что русские прирут в его дом, потом бегом, не успев заогнать завтрак. Во многих домах я видел вонючие ковбыки, сквороды из нездожаренной колбасы.

Находясь в один дом близ кирки. Комнаты маленьким, с низкими потолками, но непроможены тяжёлой мебелью до такой степени, что буквально негде разостлать две чобячки. В комнатах тушно, из углов, особенно из кухни, тянет прокисшим пивом. Многоцелыеные этажерки, полки, столы, тумбочки збиты немощным количеством урлоады немецкого хлама, от влечных качеств до статуэток с обтёпанными носами. Кичто здесь не может напомнить скромную чистоту украинской хаты под свинным как сибирского дома из грубых брёвен, где долго пахнет смолянистым деревом. Это — жилище филантёров, колбасников, детубийд, ставнищих сода, как плахи, ещё, что можно было утратить и узреть в нашей землё.

Поисья движутся по всем дорогам, и облака пыли доню, что влвет над населенными фольварками. Проезжая метечки, хутора, бургерские городки. Навстречу толпы беженцев, батраков, работавших на заводах Восточной Пруссии и в помещичьих усадьбах. Больше всего из них ороковские и смолаские. Тянется колонна павсных. Тойшй немцы из «стотальних», обросший штиль, с безымянными глазами, дурной, гостяет из дому своего мещана курцид, сабчоново нхает её не протухла ли. Немцы всегда остаётся немцем. Он ворует курцидну даже в Пруссии.

Быстро спускается октябрьская ночь. Но тымоты нет... Крововое зарево заливает небо над Ирбусей. Горт горела, фольварки, метечки, зажжённые нашей артиллерией. Гитанский котёр возмездия.

Над окопом поднимаются солдак, погресие кулаками на фоне зарева:
— Гори, Германия!

«После боя»

РУШНИК

То было словно в старину:
 Любил я девушку одну.
 Мы с ней встречали ёсен снег,
 Пел на поле песь белый свет,
 Как колодезь в венках поёт
 Над ёсний празник у ворот.
 «Как хорошо!»—казалось мне.—
 Нам вдоволь света, что в окнѣ!
 А под окном — бариник, мита,
 Здесь в будни празник был когда-то.
 Мы били дичь, точили мѣд,
 Мы жили, зная наперѣд,
 Что было так. И есть. И будет...
 Как нынче изменились люди!
 О, мирного былого дни...
 Бариник, мита — где они?
 Немаа даль молчит в ответ,
 Той девушки, быть может, нет...
 Завала мита, день поник,
 Осталас мне один рушник!
 Который девушка ткала
 И мне на память отдала.
 Её забуду ль вдалеке?
 Два петушка на рушнике,
 Высокий звор и криница.
 С ветром идѣт девица.
 Идѣт дорогою во двор...
 Где хата? Где любимый звор?
 Свалил и мим дом, криницу
 Разрушил. Красу-девицу
 В полон далайкй увези...
 Но я и на краю земли
 Найду любимую мою.
 Прелева тяжкий-путь в бок,
 Возму рушник, что я сберѣг,
 И как жених — в пылу дорог —
 Приду и встану на порог!

Перевод с украинского
 Марии Замяховской

© Вышгородское издательство.

★

Александр Жаров

В ЭТОМ
ГОРОДЕ

Всё было в городе мертво:
 Дома, и улицы, и пристань...
 С холма глядит каштан ветвицей
 С голубой грустью на него.

Спаслась с другою тенью тень.
 Развалины — над грудой гнида.
 А между ними, словно чудо,
 Цвѣтѣт спясская сирень.

Так, значит, будут жить сады,
 Рядм домов воскреснут тожѣт.
 Сирень вскиншаяся сложа
 С голубиной морской водм...

Встанай, творящий чудеса,
 Кипящий новой весной силой,
 Мой Севастополь, город милый, —
 Отчизны вечная краса!

ЗИМА.

Фотограф И. Шашин.

Мих. Львов

ЗЛАТОУСТ

Возле ножен лежали клинки и кинжалы.
 И отец мой булатом водил по усам,
 И блестящая сталь облака отражала,
 И работой своей был доволен он сам.

Я отцовскую саблю поднял на скваву,
 Златоустовский нож у меня на боку.

... Ты сегодня динишься за дальнюю далью,
 За поляни, которые не видно конца,
 Златоуст! Златоуст! Нержавеющей сталью
 Твоѣ им нам детство впавало в сердца.

И Закамски камень, и малиники Гоголь,
 И запруженный Ай, и едой Таганай —

Это детство моѣ. Это юность и школа.
 Это в горы и сосны оправасенный край.

Город детства и стали, город стужи и зноя,
 За оградой резной, за сосной вырезаню
 Вѣсь ты в зренье моѣ, вѣсь ты в сердце моѣм!
 Слово только вчера я покинул свой дом.

Как пройдем сквозь бок, позабыв о покое,
 Я в родительский дом непременно вернусь.
 Как любовию своей, как отцовскою рукою,
 Ты прикрой меня сталью в бою, Златоуст.

Действующая армия.

★

МАРШАЛ ТИТО

И ЕГО АРМИЯ

Николай Асенов

СЧАСТЛИВЫЙ КОНЕЦ

Рассказ

Мы сидели на силов трапе аэродрома, с любопытством наблюдали, как техники маскировали только что приземлившиеся «аэтишки крепостей», загибая огромные плоскости брезентовыми полотнищами. На полотнищах была искусно нарисованы кусты, трава и деревья, почти так же, как мы окружали нас. Американские лётчики молчаливо скандили приближения второй волны бомбардировщиков, на которых их друзья сейчас бомбили вражеские железные дороги и города. Нам, россиянам, было немодно нарушать это зловещее молчание.

Было восемь часов утра, когда на мачте около здания штаба союзнической авиации вдруг появились флаги, зелёный американский и полосатый английский, и с торжественной медлительностью поплыли вверх. Лётчики вскопили на ноги, перемалываясь между собой, потом напряглись было к штабу, как вдруг от здания отомчал штаб и стремительно приблизился к нам. В машине стоял лётчик-

лейтенант. Он приложил руки ко рту заковыливой и что-то кричал, заглушая рожок мотора.

Машина сделала круг около нашей группы и так же стремительно промчалась дальше, к техникам, к службе ремонта, к службе боев. Лётчик всё стоял в лед и кричал торжествующим звоном радости. Даже не знающие языка поняли, что это было сообщение какой-то необычайной важности, а когда Джеймс Гейли перевёл нам восторженный выкрик лейтенанта, всеобщее веселье, вдруг схватившее аэродром, заставило и нас кричать, и топтать ногами, и бросать фужеры вверх, и даже свистеть так, как кругом свистели американцы, проносясь по мачинским, в два палка, выражая этим своё облобение.

Через три минуты все свободные от работы лётчики и технический персонал были в штабе, слушая открытым сообщением радио. Джеймс Гейли, наш добровольный переводчик, коротко объяснял.

что началось вторжение на континент и что теперь передают первые корреспонденции с фронта.

Британская радиостанция корпорации череша на передатчик торжественной музыки, и мы вышли снова на аэродром, чтобы первыми встретить лётчицу отсюда бомбардировщика этой базы и сообщить лётчикам подробности, если они не привели их по радио ещё в воздухе. Мы снова легли на траву, но теперь это был саван шумная компания лётчиков, которая когда бы то ни было собиралась на аэродром. То и дело кто-нибудь начинал и бросал песню. Вдруг в небо летела какой-то особенно проливательная песня, все значимым плавно вступил свистуны и подражать ему. Раздавался озорливый возглас приветствия, который мгновенно подхватывался со всеобщим сторице. Когда движение несколько улеглось, кто-то обратился к Джейму Гейли:

— Джеймс, расскажите нам о ваших полётах над Францией.

Гейли, очень молодой, светловолосый парень, штурман корабля, приехавший в Европу из Бостона, где он работал электротехником, хотел что-то сказать, как к нам подошёл тот самый лейтенант, что одлежка с сообщением о высказе союзников аэродром. Мы с удивлением смотрели на этого офицера: он шёл прихрамывая, и по тому, как он ставил ногу, было видно, что правая нога искусственная. Гейли вскопал навстречу ему, подав руку и сказав по-русски:

— Саушай, Патт, я общал русским товарищам, что ты расскажешь им о своих полётах над Францией... — одновременно Гейли подмигнул нам с такой хитростью, что мы немедленно начали упреждать лейтенанта.

Лейтенант опустился рядом с нами на траву, выгнув изувеченную ногу, улыбаясь, но чего это смущало остальных, вдруг стало совсем ясным, ослепил по-русски с необычным акцентом:

— О чём им рассказать?

Джеймс Гейли поперулся к нам и представил своего друга:

— Том Паттерсон, бывший лётчик-испытатель, теперь штурман бомбардировщика. — Потом снова обратилась к товарищу: — Рассказай, Патт, об охоте. Это была настоящая Франция!

Паттерсон сорвал трапину и задумчиво жевал её, глядя суетными глазами куда-то вдаль, как будто высматривая там то, о чём его просили рассказать. Потом медленно заговорил, тщательно подбрав русские слова:

— Загляни и вылезу в Газр. Мне надо найти там одно поле. Оно заросло вот такой травой. Как она называется по-русски? Квишка? — Он сорвал пучок клевера и исподтишка поглазил на нас, мы утвердительно кивнули, ожидая воспоминания. — Я и не представляю себе, что во Франции и в России растут такая же трава, как у нас в Области. Я родился и вырос в этом городе, там же я работал. Если вы знаете, в Области есть большие металлургические заводы. Там есть завод «Грой», и был торгово-машинный цехом этого завода до войны.

— Он замолчал, всё тек же глядя вдаль, будто перед ним стало видение родного города.

Паттерсон вдруг сказал:

— Пожалуй, без него мне уже не придётся работать на моей земле. Её называют Сюзиния. Вы знаете, у нас каждую новую посылку на фронт обязательно надо иметь личное потом и называть. Сюз была дочкой доменного мастера; так как у хозяйки завода детей не было, ей и поручили посылать эту вещь. Сюз сейчас доживает свой век. Я могу показать её фотографию.

С простотой, которая возможна только на войне и среди боевых товарищей. Паттерсон жёстко и безжалостно фотографировал доушки Девушка смотрела из-под длинных ресниц с некоторым лукавством, чуть икокса, она улыбалась, сдержанно и холо-

ЦЕПЬ

Это было осенью в Енакиеве—маленьком городке Донецкого бассейна, где до войны все жизни концентрировалось вокруг металлургического завода.

Завод был разрушен почти до основания. За двадцать два месяца после войны жилищная немцы и итальянцы, побывавшие здесь, не сумели ничего восстановить, хотя три крупнейшие германские фирмы поочередно брались за дело. Тогда оккупанты разгромили, а затем положили и взорвали то, что еще сохранилось в целостности.

Теперь город снова стал свободным. Но завод был мертв. Взявая о мшиной, печально галдела в небо руины железобетонных конструкций. Заржавленные роляги прокатных станов, выключившиеся оставшими чуждом домини, изумленные маренские печи, груды битого кирпича, из одной удешевшей земли и горы порожнего, искорженного металла, когда-то представлявшего собой умные, точные, доскональные аккабшим прикосновениям человеческой руки, механизмы, — вот как выглядела в октябре 1943 года Енакиевский металлургический завод.

Восстанавливать этот завод пришла молодёжный отряд № 9, сформированный из учеников Тимашевского железнодорожного ремесленного училища и воспитанников детских домов. Ни те, ни другие никогда не видели действующую дымку или прокатного стана.

ФЛАГИ МИРА

«ТРЕХЦВЕТКА»

Государственный флаг Франции состоит из трёх вертикальных полос синего (у древка), затем белого и красного цвета. Французы обычно так и называют свой флаг: «Трёхцветка».

«Трёхцветка» имеет свою историю. В дни Великой французской революции гражданская гвардия, получив наименование «национальная», приняла трёхцветную бело-синю-красную окраску. Впоследствии эти же цвета были избраны и для государственного флага страны.

Во времена Наполеона трёхцветный флаг украсила пышное изображение олов и золотых нёб. С 1848 года на его полотно введено место олов и нёб появились буквы «Р. Ф.» — Република Франсес — Французская республика. Их окружали слова: «свобода, овалто, фратернитэ, юнитэ» — «свобода, равенство, братство, единство».

Начиная с 1880 года флаг Франции существует в нынешнем его виде.

Прокатный цех восстанавливала слесарная группа мастера Коля. Не было ни станков, ни деталей, из которых можно было бы изготовить эти детали. Зато был плановый срок: «востановить и пустить в эксплуатацию «стан 550» в конце ноября».

Буквально ежесекундно возникало какое-нибудь такое препятствие, которое грозило сорвать всю работу и выгнать на неподдающиеся.

Тут вот, необходимо было поинтересоваться в пять метров огромной мховки, которую предстояло привести в движение мальчишкой плу стана. Поднять этот маховик можно было лишь при помощи бабки и литой металлической цепи. Блок маховика восстанавливать оборудовали сами. Цепи не было.

Потребовалось бы не меньше десяти дней на изготовление такой цепи. Но разве можно целую дощину ждать, когда на все работы по восстановлению стана дан месяц?

В соседнем разрушенном цеху, под самой крышей, чудом удешевшей ивено в этом цехе, в соседнем цехе, под самой крышей, цепь. Она почти достигала земли и уходила вверх примерно на 30 метров. Подобраться к ней сверху, чтобы отрезать или сбить, было невозможно — для этого следовало бы взорвать крышу. Разрушить, когда все помыслили сосредоточены на создании!

Нельзя было и оборвать цепь снизу. И было совершенно невозможно обойтись без неё или раздобыть другую.

Оставалось одно: взобраться по самой цепи до удешевшей крыши, там схватиться руками за узкий металлический угольник, лежащий на металлических на двух обкладках стропилах, и подтянуться на мускулах, усесться попрочнее верхом на этом угольничке и сбить цепь молотком.

Потом... Потом тому, кто решился бы на такой цирковой трюк, предстояло, благой сирку как угодно, пройти по той части угольничка, которая вела к стене, где сохранились остатки бывшей асфальти. Путь до стены составляла всего 15 или 18 шагов. Но этот путь надо было пройти на высоте тридцати метров по металлической баке, ширина которой не превышала 10 сантиметров.

Нет, цирковой среди восстановителей не было.

А цепь висела в мёртвом цеху и словно издевалась над заприкинутыми к ней голыми ребятами.

В ту самую минуту, когда все окончательно поняли, что цепь эту надо сбить, что хотя она вот тут, рядом, но так же недоступна, как самая яркая звезда в небе, из группы прикомкавших подростков вышел Андрей Шельдешев.

Непраркий, рабёнок, застенчивый, он попал в отряд прямо из детдома.

Он вышел из круга. Молча скинул на землю свою втянуту стёганку, сел на неё и молча же стал разуваться. Все вокруг галдела на него с изумлением. Потом он подтянул форменный пояс с металлической бляшкой, попробовав, крепко ли держатся загнутые за этот пояс молоток и зубило, половил на тридцать до черноты ладони, подпрыгнул, ухватился за цепь и быстро-быстро пополз вверх, извиваясь, как ивнерца, и вместе с цепью расквашивая в ложу.

Все ахнула и на секунду замором.

— С ума сошёл! — внезапно обрета дар слова, неистово закричал мастер Коля. — Сейчас же марш вниз! Исканьчипсь!

— Слезай, слезай! — кричал ему ребята, Но Андрейша был уже вне пределов досягаемости. Он делал, ни стаяла, из которых можно было бы изготовить эти детали, на мускулах и в такт каждому движению локтя перебирал бесыми ногтями, он уже почти добрался до верха. Все видели, как одной ргупой он ухватился за цепь, как на которм висела цепь, а другой проверил крепость угольничка и тут же одним взмахом перебрался ноги через узкую баку.

Только тогда он взглянул вниз на онемевших товарищей. Загорная уямба осветила его ошники.

— Вуаля! — крикнул он, подражая цирковым акробатам, и слезал округаяй, привнеиственный жест руки.

Потом он вытащил молоток из-за пояса и начал сбивать цепь. «Дзинь-дзинь», дзюнь — азвук молоток о металла.

Минута, другая, третья... Они тинулись очень долго. Лицо Андрейши покраснело, жомы на нсе вздулись.

Четвёртая минута. Пятая. В абсолютной, благоосенной тишине, нарушенной лишь ударами молотка, внезапно раздался звонкий мальчишеский голос:

— Р-разойдись!

И в мгновение образовавшийся от этого крика пустой круг грохнула всей своей своего веса литая, тридцатиметровая цепь. Она летела на котром поворой расквашенной грубой но то секунду уже никто не смотрел на неё.

— Теперь, друг тихой! — суровым тоном приказал сверху Андрейша. — Не зовите меня и не окликайтесь!..

Он осторожно поднялся сперва на молоток, аккуратно засунув поработанный молоток обратно в карман. Он ступил на ивнер, подтянувшись, кивком-то особым, светлым голосом добавил:

— Ну, а уж если оборвусь, имейте в виду — логий за родной Дюбасей!

И пошёл по десятизатиметровой металлической баке, ровню, гаяя вперёд, как клячковой по канату. Он ступил на ивнер, но не медленно, как раз так, как надо, во всем внизу казалась, что он идёт неслышимо долго и что конца этому пути не будет. И каждый котра протянуть руки или ещё как-нибудь помочь ему, но никто не смея шевельнуться и даже перевести дыхание.

Метра за два до стенки Андрейша вдруг не выдержал, побежал с расквашенными руками и, швырнув их в обинку стропила, вынужденно его пуга.

Вдох облегчения ветром пронёсся по цеху. А мальчик уже мчался вниз, перепрыгивая через недостающие ступени баки, хватаясь за угольнички, и кричал: «Молоток сломан!» — тридцать пар рук бережно и нежно приняло его в объятия.

Но здесь, на земле, он затихло же олять превратился в обычного, ослепшего подростка. И когда на салотрицатидесяти он вышел в городской газет: «Молодой патриот Андрей Шельдешев усердно пуга прокатного стана на 10 стоек», — и когда возле, по приказу директора, ему пера всем цехом овалто, благоосенности, и когда, наконец, через несколько дней ему вручили денежную премию, — он смущался до ивнерца, куда девать свои испарившиеся, загрубившие в тяжёлом труде руки.

А на премию, на все полученные деньги, он задла замечательный при своей слесарной группе.

Лев Николаевич

Дружеский шаг Д. Бродяга.

Золотая звезда

Окончание *

Глава XXX

О ЧЕМ НЕ ЗНАЛ ГРУППЕНФЮРЕР
ФОН МАНГЕЙМ

Когда наши домашние стратеги, отмечая на своих картах линии фронта, доходящие до этого участка, то разочарованно говорили:

— А здесь—как два года назад... Это была сушая правая. Два года стояли друг против друга наши дивизии и отборные пилеровские войска. Не было продвижения войск в этих болотах, а если и было, то не более чем на 500 метров к востоку или западу. Нетерпеливые стратеги не знали, что война в этих болотах и топках—и с чем не сравнимая война.

На этом участке фронта земля была рыхля травяной и ошопов, люди жили на плахот, на сваех и переделывались по деревянным мосткам. Передняя край представляла невнятную картину. Офицер или боец, прибывшие сюда впервые, видели перед собой vast тошнотливую в полтора километра и проволочку на валах. Сильно импрессирует в этом валу, а также из двухэтажных домов каждую минуту мог хлынуть лишенный расклеванного свиная. Впереди затаились минные поля, открытые, простреливаемые минометы, проволочные заграждения, известные романтическое название «испанский веприк», проволочные заграждения, называемые «спираль Вруно», оплет, минные на этот раз противополковиком—и, наконец, ничуть не малая. Местами рос бурьян, высотой в человеческий рост, здесь охотничьих снайперов, подползал к вражескому сторожевому охранному расклеванному котловому над болотами носился лучик колора.

Ночам казалось, что они крепко засели в этих болотах. Через два года у них появились уверенность, в том, что их они, ни русские не смогут продвинуться вперед на этом участке фронта...

И вот в одну осеннюю ночь, на рассвете, началась боювые действия. Двести оружейных часа были по каждому квадратному километру немецких позиций. Старые

солдаты, участники минованной войны, ветераны, которым довелось участвовать в брусняковском наступлении, в изумлении смотрели, как два их годовых противника—тысячи снарядов, а лес мгновенно обнажился,—от столетних елей оставались расщепленные, обугленные стволы.

После этого извержения расклеванного металла и земотрясения начался дождь, а через два часа фронт, о котором немцы говорили, что он будет стабильным до конца войны, был прорван на двадцать километров в глубину.

Когда встал об этом дошла до города Пленца, знаменитая машина группенфюрера Фона Мангейма в тот же день оставила Пленц и свернула на построенную русскими инженером Инноземцевым знаменитую дорожку, которую в немецком штабе называли «дорогой интеллигентности» и которая связывалась для немцев дорогой гибким.

В сорок минут «опель» проедет расстояние до лагеря и моста, где возвышалась украшенная зелеными словесными ветками арка. Фон Мангейм беспрестанно говорил на языке вперед и увидел человека с флажком, стоящего на мосту. В первое мгновение он хотел отдать приказ шоферу ехать прямо на человека, но что-то остановило, группенфюрер вспомнил о том, что он слышит, и он велел замедлить скорость. Машина остановилась. Человек бросил флажок и подошел к машине. Группенфюрер воскликнул:

— Боже мой Инноземцев!

Инноземцев улыбнулся, открыл дверцу «опеля» и помог фон Мангейму выйти.

— Что это значит?—в изумлении произнес немец.

Правая рука Инноземцева была ошупана. Профлажок ухватился, он подвинул руку, и фон Мангейм увидел туло интеллигентного Мюллера!—сказал Инноземцев.—И Разгенов.

На этом кончилась их последний разговор.

Группенфюрер фон Мангейм не знал, что в тот час, когда русские рабочие в лагере кинулись на охранную полицию, жандармерию и их лагерьские и неизвестно откуда вышедшими сружком перебежали в первую же минуту сбежали.

Группенфюрер не знал также, что дорожные рабочие и партизаны уже сутки держали в своих руках дорогу важнейшего стратегического значения. В ту ночь и на следующий день они обитали одиннадцать немецких атак и дождались расклеванного часа, когда на дороге показались первый советский танк с надписью «Козьма Минин». По этой, выстроенной русскими палачинами дороге, стоявшей им тяжелых трудностей, прошли все замыслы наших танков и кавалерийских подразделений, расширив и углубив проселок, открывшая нашим войскам широкий путь на северозапад.

Вот для чего построили эту дорогу в безлюдном русские. Вот ради чего, рискуя жизнью и партизаны, играл роль инженер Инноземцева командир объединенных партизанских отрядов, легендарный народный герой Разгенов.

Глава XXXII

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

Соня Соснова получила странную телеграмму от Андрея Андреевича. В ней было только три слова: «Примите мое предложение Хабринов».

Телеграммы очень обеспокоила Соню. Она никак не могла не забыть ни одного старика, не увидит ли он? Тут же мелькнула мысль: отступит ли он,—только три месяца звезд она светила в Москву. И, прежде чем идти к своему начальнику, она сначала посоветовалась с Шорниным. У Шорнина было озабоченный вид, и Соня почувствовала его душевное состояние: в городе ходили слухи, будто на заводе поймали

Автор повести «Золотая звезда» Лев Николаевич.

шапку шпионов-диверсантов, и, должно быть, Соня увидела, что Головин так ввязанно исчисл,—видимо, уехал в Москву, но сказав ей ни слова об этом. Может быть, оттого Головина имел связь с толкама, которые ходили по городу? Об этом она решила спросить Шорнина.

— Да, самая непосредственная связь,—сумрачно сказал он.—И могу вам сказать, что ваш московский знакомый...—он умолк и, немного подумав, продолжал.—Помните, я с вами говорил о шестом курсе, о самостоятельности, которая вдруг возникла, когда встретился негодру, милое говори... Когда в и первый раз заговорил с Головиным, а в меня почти не было такого чувства, он хорошо играл роль добродушного обаятельного, оманливого инженера, а главное—русского человека с душой нараспашку...

— То есть почему же «итрало роль»?

— По отношению к нему возникнул у меня вот почему: крупные инженеры с таким стажем всегда были известные стране люди. После того как я прочел автобиографию Головина, я и просто из любопытства заглянул в справочники «Вся Москва за девятьсот девять» — девятьсот тридцатый год. В справочниках за эти годы и я не нашел инженера Головина, но в тысячу эту фамилию в справочнике тысяча девятьсот пятнадцатый год. Между тем он окончил институт в тысяча девятьсот девятом году, так сказано в автобиографии. Где же он работал почти шесть лет? Но не в этом дело.

— А в чем?

ВОКРУГ СВЕТА

♦ С начала войны пилотеры потеряли на советско-германском фронте более 60 тысяч самолетов. Если размах крыльев каждой машины принять в среднем за 16—20 метров, то поставив обитые самолеты в одну линию, их можно вытянуть от Ленинграда до Киева.

♦ Тридцатый морей авиалайнер берега Советского Союза. Самое большое из них—Берингово море (его площадь—2275 тысяч квадратных километров) и самое маленькое—Азовское море (37 605 квадратных километров).

♦ Только двух птиц можно научить произносить слова: ворона и попугай.

♦ Самый высокий безветренный океан Старого света—Ключевская сопка (4800 метров)—находится на Камчатской полуострове.

♦ Первая в мире почтовая марка появилась в 1840 году в Англии. У нас в России первая марка была выпущена земской почтой в 1860 году.

* См. №№ 7—20.

Егэгийн Огуренко.

Николай Королёв.

Андрю Навасардов.

86-Я ПОБЕДА НИКОЛАЯ КОРОЛЕВА

Дружеские шашки Г. Валька

Семь самых лучших боксеров страны приняли участие в соревнованиях за звание абсолютного чемпиона Советского Союза по боксу. Боксёрские поединки должны были решиться, кому в этом сезоне владеть титулом «кожаная перчатка № 1». На ринге встретились астоны Мартин Ливиняги и Берхара Салог, чемпион СССР в тяжёлом весе Гибилес Амро Навасардов, представитель Дальнего Востока Николай Юрченко (Красная Армия), чемпион страны в полутяжёлом весе Виктор Степанов и два заслуженных мастера спорта, Николай Королёв — в прошлом двукратный абсолютный чемпион СССР — и Евгений Огуренко — абсолютный чемпион 1943 года.

Николай Юрченко.

Три вечера Московский цирк венчал только двадцатую часть желающих посмотреть «бой сильнейших». В первом круге турнира Королёв в первом раунде нокаутировал астоны Салого. Юрченко нанёс поражение Степанову. Навасардов в упрямом поединке добился победы над астоном Ливинягой. Вторые поединки Королёв одерживает убедительную победу над Юрченко. Огуренко проиграл сенсационное преимущество чемпиона среднего веса над тяжёловесом Навасардовым.

Финальный бой, в котором оспаривали первенство Королёв и Огуренко, был нередко красивым и протекал в острой борьбе равноценных противников.

Бой шёл с переменным успехом. Первый раунд выиграл Королёв, второй — Огуренко, третий — снова Королёв, четвёртый прошёл ничейно, пятый принёс победу Королёву. Зрители наблюдали один из самых техничных поединков боксёрского искусства. Это была чудесная схватка двух лучших боксёров.

И как в 1939 году Виктор Михайлов, победил Королёва, вернул себе титул лучшего боксёра страны, так пять лет спустя Николай Королёв, кавалер ордена Красного знамени, бывший партизан, снова стал абсолютным чемпионом СССР. Победитель встретил в лице заслуженного мастера спорта орденоносца Огуренкова достойного противника.

Николай Королёв выиграл свой 95-й бой. Евгений Огуренко потерпел поражение в своей 140-й встрече на ринге, 134 из которых он выиграл. Для Королёва победа в матче с Огуренковым была 86-й в карьере.

Павел Милошев, заслуженный мастер спорта СССР

— Он не мог объяснить, почему он забрал наш завод, завод «Первое мая». Целевые металлы в нашем деле применяются в небольшом количестве, ему интересно было бы работать на авиационном заводе. И он имел эту возможность. Менять Москву на Зауралье мог только человек, заинтересованный в нашем заводе, именно в нашем заводе. То, что мы сейчас выпускаем, интересует наших врагов. Я внимательно изучил анкету и все документы Головина и не без труда обнаружил подлинство в рекомендательном письме Андрея Андреевича Хлебникова.

Соня молчала, но свела глаз с Шорниа. — Тогда я решила заняться господином Головиным вплотную. Прежде него надо было выяснить его связи. Но оказалось, что ни с кем, кроме нас, он не поддерживал знакомств. Интересы же его были самыми обыкновенными. Мне показалось странным одно: почему он облюбовал читальню своей работы? Я стала интересоваться Бродягузи и Эрбоню подчёркивая варианты. Это сделала он, это был шифр. Я ввела цифры, их расшифровала. Это были, так сказать, позывные его сообщения. С вашей помощью и с помощью Сашки Бугуровой я выяснила, кто этот сообщник. Дальше всё вам, надеюсь, ясно. Он общался со своим сообщником посредством шифра, пользовался заранее усвоенными ключами.

— Кем же он оказался? — бледная, спросила Соня.

— Настоящая его фамилия — Краузе, Густав Максимович, он перенял

эту фамилию в тысячу девятьсот сорок пять году на фамилию Головина. И этот Головин оказался немецким шпионом с тридцатилетним стажем. Однако оставил эту тему. Говорит, вы едете в Москву? Ещё начальники получили телеграмму Андрея Андреевича.

— Я этого не знала.

— Как же. Есть резолюция о пролонгировании вам трёхнедельного отпуска, но именно почему-то кажется, что отпуск затянется. Вряд ли вы к нам вернётесь.

— Почему вы так думаете? Шорин лукаво улыбнулся.

Глава XXXIII ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Вспомню так, что на следующий день после этого разговора Соня не только получила отпуск на три недели, но и уже вылетела в Москву. В самолёте, кроме Соня, были два неизвестных инженера и молодой помощник, знакомый Шорину, очень общительный и весёлый собеседник. Именно он, по просьбе Шорниа, помог Соня получить место в самолёте.

Восьмь часов спустя Соня была в Москве на аэродроме. Вольнолетчиком её, когда она увидела под крылом самолёта прямые аэлии Ленинградского шоссе, вышла из самолёта и серьёз, овальный Аэликот ступил на «Динамом».

Она избежала в вестибль метро, прошла несколько станций и вышла у Библиотечки имени Ленина. Соня не заметила, как отступила в дом, где жила Андрей Андреевич. Она избежала по той же лестнице до шестого этажа и позвонила.

В коридоре послышались чьи-то быст-

рые и очень уверенные шаги. Дверь открылась, и в даруг Соня почувствовала знакомые сильные объятия, знакомые мимические искания её губы. Она закричала от нежности и счастья.

Объяснялись, они вошли в кабинет Андрея Андреевича. Он сидел улыбаясь, по-молчаливому и долго не произносил ни слова, чтобы не мешать, их беседе. Жена сказала Соня, что он однажды видел её однажды mentioned in one, когда, не выдержав, по-маленькому бросил ключик в окошко, потом рассказывал как зномя отцу, чтобы услышать его гоасе... Ни одна душа не должна была знать, что он в Москве, ни одна душа (кроме аэлий, которые были его начальниками) не знала, что Евгений Андреевич Хлебников — это и есть...

Он не досказал, потому что в соседней комнате звонил телефон и дверь кабинета открылась. Большая девушка в военной форме, та самая, которую Соня знала по встрече в Зауралье.

— Товарища Разгонува к телефону, — сказала Тая Пискарева.

Это тши — скрикнула Соня, взглянула на Жюзи и только теперь увидела на его груди, на скромной гимназёрке, золотую звезду — символ бесстрашия, славы и верности родине. Это тши — скрикнула Соня, взглянула и засмеялась. И Андрей Андреевич тоже улыбнулся платком глаза. Он лгува о том, как смелые суровые испытания выпали на долю этого поколения и как мужественно и благородно повели себя в неслыханных обстоятельствах эта славная молодёжь.

Конец

НЕОБЫКНОВЕННЫЕ ЛАБОРАТОРИИ

Работники этих лабораторий занимаются только тем, что другим людям строго запрещено делать: помещают взрывают вещества в бочки, осы, подвергают действию разных химических составов, «забывают» выключать электрические приборы в машинах, пока те не загорят или не выйдут из строя, забывают несгораемые кассы и закрытые двери... Многие предостережения навсегда заканчиваются установление в стенах этих необыкновенных лабораторий, превращавшихся в негодный хлам. Зато выдержавшие определенный минимум «шпак» получают награду лабораторий «U. L.», являющуюся в Америке лучшей рекомендацией для вещей, от которых зависит безопасность людей или целостность имущества.

«U. L.»—это initials государственных страховых лабораторий, организованных в 1894 году. Первая такая лаборатория возникла на территории Чикагской выставки на заре электрического освещения. Пожары от электрического тока были так часты, что стали забываться сменяемые нити лампы или пожар незначительным случаем этого нового вида освещения...

На Чикагской выставке 1894 года инженеру Меррилу поручили исследование случаев пожара от электричества. Он мчался верхом на лошади туда, где над праздничной толпой возмывались столбы огня и дыма, и с опасностью для жизни стараясь установить причину пожара.

Лаборатория Меррилла, пятнадцать лет назад помещавшаяся в старом сарае, за эти годы превратилась в настоящий исследовательский институт, целый научный городок, центр которого и теперь находится в Чикаго. Быстрое развитие промышленности в западной части США потребовало организации страховых лабораторий и в Нью-Йорке. Специфика большого города своеобразно отразилась на ньюйоркских страховых лабораториях, у них появилось отделение для борьбы со взломами. Были созданы и другие отделения: в Сан-Франциско главное внимание уделяется пожарной технике оборудованию, лаборатория в пустынной местности, в 60 километрах от Чикаго, занимается взрывными веществами.

Работники для этих лабора-

рий отбираются особым образом и всегда подвергаются какому-нибудь хитрому испытанию. Например кандидат поучаствует наблюдение за реакцией, во время которой малейшая оплошность грозит взрывом. Если лаборант, проделав сотни дней таких реакций, не сбился ни разу—значит, он подходит для работы во «взрывчатках» лабораториях. Но если он во время испытательного срока сделал что-то не так, имеет особенного тоже не провозит, потому что в его руках поддельные реактивы, о чем он и не подозревает. Опыт ведется таким образом, что ошибка сейчас же фиксируется и получается двойная проверка человека: выискивает, способен ли он ошибиться и имеет ли он достаточно мужества и честности, чтобы сознаться в ошибках.

В лабораториях возле Чикаго взрываются вещества, гужаются в условиях перевозки их морем, по железной дороге, на самолетах. Лаборанты повреждают их ударком, поджигают, сжигают всевозможными жидкостями, начиная от воды и кончая редчайшими химическими растворами.

На опасные грузы действуют и сильные дуры, и вестер, и искусственные землетрясения. Часто взрыв прекращает опыты в самом начале. Но несчастия с людьми исключительно редки, потому что работники лабораторий наблюдают за происходящим, спрятавшись за толстыми стенами или под железобетонными колонками. Метрами управляемые на расстоянии, бинокли и перископы служат «руками» и «глазами» для этих наблюдений.

Работники лабораторий для изучения действительных катастроф немедленно отправляются на места происшествий—заводы, пристани, станции железных дорог. Иногда от всех этих сооружений не остается даже развалин, и нужно большое искусство, чтобы представить себе хотя бы приблизительно, что здесь случилось, и какие причины выступили на волю странные силы, дремавшие в триггерах, динамите, пороке.

В большинстве лабораторий собраны описания всевозможных взрывов хотя ли не со времен изобретения пороха. Метод исследования, применяемый лабораториями, позволяет открывать

причину несчастий, оставшуюся неизвестной в течение столетий. Особо дураком лет назад в Карлсбурге морем провозил бриг «Алиса». Из всей команды спасло только помощник капитана, подробно описанный гибель корабля, и на основании его описания в лабораториях «U. L.» восстановили условия хранения пороха на несчастном бриге и точно определили, что катастрофа вызвана высокой температурой и лекарства, помещенные хирургом «Алисы» в пороховой погребе.

В ньюйоркском отделении лабораторий, специализирующемся на борьбе со взломами, первое время главным роль играли расквашеные мастера открывания чужих касс. Если и они оказывались не в состоянии открыть хранилище, то вообще было мало вероятно, что кто-нибудь сумеет сделать это, и на несгораемую кассу после испытания отгнем ставшая после «U. L.», увидев которую, опытные взломщики отпрянулись искать более легкую добычу. В дальнейшем техника вывде вольтовой дуги и других усовершенствованных средств разламывания металла вытеснила услуги бывших взломщиков. Любопытней лабораторий мог теперь придумать больше способов испробовать металлическую грудь шкафов, чем десять «высококачественных» чикагских и ньюйоркских реалистов.

В характеристиках разнообразной продукции, производимой этими лабораториями, их работники часто пишут слова «пожаробезопасно», «взрывобезопасно» и т. д. Приходится им употреблять еще термин «фудурифт», что по-русски означает: «безопасно от дурака». Это значит, что даже человек, ничего не понимающий в заинтересовавшей его машине или устройстве, не сможет их повредить, какие бы эксперименты он ни пытался делать. «Защита от дурака» в стране маньяков представляет серьезную проблему, и страховые лаборатории, проверяя качество этой защиты, предусмотрительной хорошим конструктором, делают также «испытания», крайне трудно придумать неискутому человеку. Исследованиям помогает богатейшее собрание описаний всевозможных аварий и поломок, выявляющих любительским вертеть руки маньяки.

ОСТРОВ ОРЛОВ

В семидесяти километрах на юг от Керона затерялся в Черном море маленький, даже не во всех картах обозначенный островок. Он образовался из выветривших скал, которые приносят в море Днепр, и может называться Островом Орлов. Но впервые названо на острою обитают не орлы, а глянцевые образцы—чайки разных пород. Они гнездятся на этом маленьком клочке почвы илиторой земли и выводят птенцов, издрей миллионы. Это частная охраняемая всего черноморского бассейна. Кроме чайки орловской гнездятся тут же, голуби, олуи, утки, цапли, дятлы и в неизмеримом количестве комаров и эктопаразитов. Человек жить на нем не может.

Наша экспедиционная пробыла на Острове орлов несколько дней. Работать приходилось в адских условиях: под палящим солнцем, укутавшись в непромокаемые для комаров тельняшки, плащанки, поручики и с сетками на головах. Начать мы уходили в море на лодках.

Вл. Миксис

РУССКИЕ ОТКРЫВАТЕЛИ ЗЕМЕЛЬ

Ответы на вопросы первого рассказа—заглади, напечатанного в № 13—20

1. Русского путешественника звали Василий Васильевич Юнкер, а в 1875 году В. Юнкер совершил путешествие по Джайльскому пустыню. В 1876 году он побывал в Англо-Египетском Судане, первым из европейцев поднялся по реке Барда, посетил город Харгум—столицу Судана. Следующее большое путешествие Юнкер совершил в глубь экваториальной Африки в 1877—1878 годах. Он обследовал область водроздела между Нилом и правыми притоками реки Конго. В

следующем году Юнкер начал новое путешествие—в области реки Уелле. Первым из европейцев он прошел всю эту область и доказал, что Уелле является частью реки Убанги, притока Конго, а не впадает в озеро Чад, как думали раньше. Несколько лет Юнкер путешествовал по труднодоступной части экваториальной Африки, по землям племён нилья-няля и манганга.

4. В общей сложности В. В. Юнкер пробыл в Африке 13 лет.

5. Русский исследователь Африки Василий Васильевич Юнкер умер 1 февраля 1892 года в Петербурге. О его поездке есть интересная книга: «Путешествия Юнкера В. В. по Африке»; она издана в 1893 году в Петербурге. Большая статья о замечательном путешественнике под названием «Друг кровожадных племени» была напечатана в № 1 журнала «Наша страна» за 1941 год.

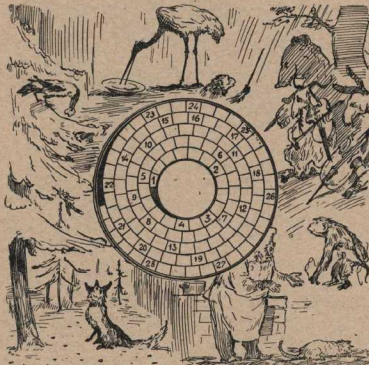
Вл. Явич

Клетки чайворда нужно заполнить именами персонажей басен И. А. Крылова, отрывки из которых в соответственном порядке приведены ниже.

ЧАЙВОРД

«ПЕРСОНАЖИ КРЫЛОВСКИХ БАСЕН»

Составил О. Золотухин.

1. Не странно ль это?
Ты так мал, водой так
беден,
А у тебя всегда
премножество гостей?
Не мудрено, коль мне
приходит кто
двигаться;
К тебе зачем идут?
(«Водопад и ручей».)
2. Посмотришь
на дельца иного:
Халочек, мечется —
ему дивится все;
Он, кажется,
из кожи рвётся,
Да только всё шеперд...
не подается...
(«Безделка».)
3. Неужда также
в ослеплении
Бранит науки и ученье
И все учёные труды,
Не чувствуя, что он
кушает их плоды.
(«Санина под дубом».)
4. Так думает иной
Затеивник,
Что он
в подсолнечной
гремат,
А он — дивит
Свой только
муравейник.
(«Муравей».)

5. А мне за песни
не срубил,
(«Крестьянин
и топор».)
10. Когда у нас беда над
головою,
То рады мы тому
молиться,
Кто вздумает за нас
вступить;
Но только с плеч
беда долой,
А делов на один
бедняжке не возмёт.
(«Крестьянин
и Работник».)
7. На языке легка
и лиска и усуга;
Но и в нужде лишь
узнать прямого
можно друга.
(«Собака, Чеаовек,
Ковка и Соколка».)
8. Он пора, ой чума,
он озяа здеших мест!
(А Васка слушает,
да ест!)
(«Кот и Поваар».)
9. Меня ты по-пусту
истушишь,
А всё ножом избу
болтают,
(«Крестьянин
и топор».)
11. «Не правда ли, что
мы краса долним
и пойдёт,
И выдет из него не
дело, только мука.
(«Лебеди, Щуца
и Рам».)
15. Не презирай совета
ни чьего,
Оратора его,
(«Орбан и Крот».)
17. Кричат Медведь
Тигры, Волки:
— «Смотри, злодей

13. Напрасно про бесов
болтают,
Что справедливости
совсем они не знают.
(«Крестьянин
и Змея».)
14. Проснувшись, Пастух
змяю убиа;
Но прежде Комара
с-просья так хавил,
Что бедного его как
не бывало.
(«Комар и Пастух».)
15. Когда в товарищах
согласья нет,
На лад их дело
не пойдёт,
И выдет из него не
дело, только мука.
(«Лебеди, Щуца
и Рам».)
15. Не презирай совета
ни чьего,
Оратора его,
(«Орбан и Крот».)
17. Кричат Медведь
Тигры, Волки:
— «Смотри, злодей

- какой!
Чужое ест сени! Ну,
диво ли, что боги
за беззастенчивость
к нам столько
«строго?»
(«Мор зверей».)
18. — «Добро, не плачься
на меня»,
Сказал, разжалобясь,
Рыбобин;
«И поделно, ведь
мне коровы не
донты;
Уж так и бьют,
Возьмн себе назад
подойник».
(«Крестьянин
и Рабобин».)
19. А вы, друзья, как ни
садитесь,
Где в музыканты не
ходите.
(«Квартет».)
20. А так как в пастухах
у нас здесь
недостаток,
То прижали овец
волкам исти,
(«Пёстрые овцы».)

21. Мне кажется, что
смысла не тёмна
басня сей.
Щепотки волосок
лиса не пожалей —
Остался б хвост
у ней.
(«Лиса».)
22. «Самсобо, милый кум!
Наставил ты меня
на ум».
И, влекуя разломан,
учителя он скушал.
(«Котёнок
и Своярец».)
23. Но сам ты, барин,
знаешь,
Что человек,
пока живёт,
Всё хочет болле:
таков уж здешний
свет.
(«Откупщик
и Саможив».)
24. Но плутли не всегда
угодно сходат с рук
или:
Не могла боле тут
лев явилей лжи
стерпеть,
Чтоб не без музыки
плясать народу.
Секретара и воеводу
В своих котках
заставил петь.
(«Рыбий плясник».)
25. Скупной терпеть всё,
желая всё достать.
(«Скупной и Курица».)
26. Кот самолюбием
чрез-меру поражен;
Тот был себе и в том,
что он другим
смеяно:
И часто тем ему
случается хвалиться,
Чего бы должен он
стыдиться.
(«Апеллес и Осленок».)
27. Лиса олея поймаля,
И шёл к товарищам
последом,
Чтоб шли делить
смастлявый лоз:
Добча, право,
не дурная.
(«Лев на долове».)
28. «Поди-ка, брат,
Алгеб!
Куда ты там запал?
Поля сюда скорей,
Да поживуся дяде!
Тобур ты по-бесу,
так буешь
не в нажде».
(«Купец».)

Д. БЛАГОП — Великий баснописец.
Л. ГРОССМАН — Молодой Крылов.
Из жизни Крылова.
Л. ЮЩЕНКО — В Германии.
М. ЛЬВОВ — Златоуст.
И. НЕХОДА — Рушник.
А. ЖАРОВ — В этом городе.
Машина Тито и его зюма.
Н. АСАНОВ — Счастливейший козек.
О. ЗИВ — Цепь.
Л. НИКУЛИН — Золотая звезда. (Жюжичине).
Пл. ИСПОЛНОВ — 88-я побела Николая Корольва.

В НОМЕРЕ:

Иж. А. МОРОЗОВ — Необыкновенные лаборатории.
Календарь «Смеши».
Новые рисунки к стихам В. Маяковского.
Флаги мира. Вокруг света. Чайворд.
Рисунки художников Л. БРОДАТОВА, Г. ВАЛЬКА, А. ЖИТОМИР-СКОГО, Н. ИЛЬИНА, И. СЕМЕНОВА, Б. ФРИДКИНА.
На вкладыде: «ПОСЛЕ БОЯ» — фотоздтл Г. КОНОВАЛОВА.
На первой странице обложки: «НА ЛЕКЦИИ» — фотоздтл Г. БОРИСОВА.

Ответственный редактор — Борис ВОЙТЕХОВ.

НОВЫЕ РИСУНКИ К СТИХАМ ВЛАДИМИРА МАЯКОВСКОГО

Рис. Б. Фридкина.

Подошёл колбасник к Лодзи,
Мы сказали: «Пан добродзи!»
Ну, а с Лодзью рядом Радом,
И ушёл с подбитым задом.

Ах ты, милый город Люблин,
Под тобой был враг изрублен!

В славном лесе Августовом
Битых немцев тысяч сто вам.
Враг изрублен, а затем он
Пущен плавать в синий Неман.

Ну и треск, да ну и гром же
Был от немцев подле Ломжи!

Глядь-поглядь, уж близко Висла;
Немцев пучит — значит, кисло.

Выезжали мы от Ковно,
Уж от немцев поле ровно.

Немец рыжий и шершавый
Разлетелся под Варшавой.
Да казак Данило Дикий
Продырявил его гикой.

Опустилось у Вильгельма
Штыковое ружьеусе,
Как узнал лукавый шельма
О боях в Восточной Пруссии.

Цена 2 руб.

В Хореографическом училище при Государственном академическом Большом театре Союза ССР. Будущая балерина Тамара Ветрова на занятиях.

Фото Г. Борисова.